

шали литургию на их алтарях, то греки немедленно делали очистительные церемонии и омовения, так как они считали свои алтари оскверненными. У них есть богатые домашние капеллы, украшенные живописью, мрамором и свечками; потому они могли бы справедливо сказать: «Господи, я дорожил славой твоего дома», если бы равным образом в них светился свечок православной веры. Но, о бедствие! Мы слышали, что они совершают преступление, достойное смерти, а именно, всякий раз, когда кто-нибудь вступает в брак с кем-нибудь из наших, то до свадьбы они снова крестят тех, которые были уже крещены по римскому обряду. Мы узнали, что у них есть и другие еретичества, относительно отправления Св. Тайн и вопроса об исхождении Св. Духа. Все это не замарало бы наших страниц, если бы сам предмет не навел нас на разговор о том.

Все это было причиной того, что греки внушили нашим ненависть к себе: их заблуждения сделались наконец известными даже и мирянам. Почему они не считали греков христианами, и убить грека было ничем; по этой же причине было трудно удержать наших от грабежа и хищничества.

По возвратимся к нашему королю, который все это время почти ежедневно получал новые посольства от императора и жаловался на то, что не возвращаются его послы, не зная ничего, что с ними делается. Императорские же послы приносили каждый день хорошие известия, но не оправдывали их на деле; впрочем, им и не верили, ибо все они продолжали говорить самым лживым языком. Король выслушивал от них «многочетия» (приветствия), не придавая им никакого значения. Этим словом у них выражается то почтение, которое они оказывают не только королям, но и вообще всем знатным людям безразлично; при этом они низко склоняют голову и все тело или становятся на оба колена, или расprostираются на земле во всю длину роста. По временам императрица писала к нашей королеве; вообще, в то время все греки как бы обратились в женщин, отреклись от всякого мужества и в языке, и в сердце. Они обещали нам с легкомысленными клятвами все, что мы, по их мнению, могли бы

пожелать; но они не могли ни нам внушить доверия, ни сами сохранить достоинство. У них господствует общее мнение, что вероломство ради выгод святой империи не унижает никого.

Да не подумает кто-нибудь, что я несправедливо преследую ненавистных людей и из презрения к ним выдумываю то, чего не видел. Кто имел случай знать греков, тот скажет, что в минуту страха они унижаются до последней степени, но, взяв верх, делаются заносчивыми и жестоко притесняют слабейшего. В настоящее время они употребили все усилия, чтобы склонить короля отправиться из Адрианополя прямо к проливу Св. Георгия Сестского, чтобы к их выгоде он переправился как можно скорее за море. Но король не хотел сделать того первым, чего еще никогда не делали французы, сколько то было ему известно. А потому он продолжал идти вперед по пути предшествовавших ему немцев (то есть Конрада III), хотя и не с теми приключениями. Приблизившись к Константинополю на один день расстояния, он пошел своими послы, вышедших к нему навстречу; они рассказали ему об императоре все то, что мы выше изложили уже отчасти. Нашлись даже люди, которые советовали королю отступить, овладеть всей богатой страной, покрытой городами и замками, написать немедленно королю Рожеру с тем, чтобы он в то же время начал на императора, и ждать прибытия его флота с целью вместе осадить Константинополь. Но, к нашему несчастью и к несчастью всех служителей апостола Петра, эти советы не были приняты королем. Мы двинулись далее, и вот, когда перед нами открылся город, знатные, богатые, духовенство и весь народ вышли навстречу к королю и приняли его с должными почестями, прося униженно посетить императора и, соответственно его желанию, вступить с ним в переговоры. Король, жалуясь над опасениями императора и соглашаясь на его просьбу, вошел в город, сопровождаемый небольшим числом своих людей, и нашел под портиком дворца императора (Мапуила Комнина), который и принял его довольно прилично. Оба государя были почти одного лет и одного роста, отличаясь друг от